

- ⁸ См.: *Падучева Е.В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 33–44.
- ⁹ См.: *Елина Е.А.* Указ. соч.; *Стернина И.А.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Набоков В.В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1990. Здесь и далее примеры приводятся по этому изданию.
- ¹¹ См.: *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 21.
- ¹² См.: *Золотова Г.А.* К вопросу о конститутивных единицах текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградские чтения XII–XIII. М., 1984. С. 162–173; *Кравченко А.В.* Глагольный вид и картина мира // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 1995. Т. 54, № 1. С. 49–64.
- ¹³ Такая функция широко признавалась только за несобственно-прямой речью.
- ¹⁴ *Кравченко А.В.* Указ. соч. С. 63.
- ¹⁵ *Кузнецов Д.В.* Грамматическая темпоральность в лингвоперсонологическом аспекте // Филологические науки. 2007. № 5. С. 51.
- ¹⁶ *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 103.
- ¹⁷ *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 1968. С. 97.
- ¹⁸ Там же. С. 98.
- ¹⁹ М.М. Бахтин считает, что в этом смысле прошлое и будущее противопоставлены как равноуровневые категории: прошлое – категория временная, будущее – смысловая, мыслимая, абсолютно субъективная, «не фабулическая, а смысловая непредопределенность» бытия (*Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 104), а потому проспекция, элементы ее выражения в тексте могут дополнить дейктическое поле неопределенности.
- ²⁰ *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. С. 205.
- ²¹ *Ревзин И.И.* Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 128.
- ²² *Падучева Е.В.* Указ. соч. С. 180.
- ²³ *Подлеская В.И.* К уточнению понятия «анафора» // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1969. С. 14.
- ²⁴ См.: *Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- ²⁵ *Широнин И.* Язык и повествование (из наблюдений над акциональным кодом «Северной Симфонии» Андрея Белого) // <http://www.sujet.ru/publications/philology/bely/html>.
- ²⁶ См., напр., *Авдевина О.Ю.* Актуализация способов глагольного действия в произведениях современных писателей // Активные процессы в современной грамматике: Материалы междунар. конф. 19–20 июня 2008 г. М.; Ярославль, 2008. С. 4–9; *Авдевина О.Ю.* Участие грамматических единиц в формировании повествовательной структуры произведений современной русской прозы // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России: Материалы I Конгресса РОПРЯЛ. Т. 2. СПб., 2008. С. 45–51; *Уфимцева О.А.* Именной и глагольный стили в синтаксисе XX века // Предложение и Слово: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. С. 111–117.

УДК 482-53

УТРАТА ПЕРВИЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕТАФОР

С.Б. Козинец

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: kozinec74@mail.ru

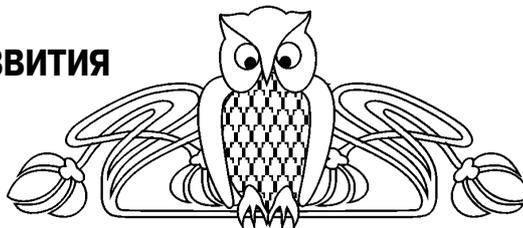
В статье рассматривается один из способов формирования словообразовательной метафоры в истории русского языка – утрата первичного значения производного слова. На основе анализа обширного материала устанавливаются причины исчезновения первичных значений, среди которых наиболее важными являются архаизация и изменение значения морфемы.

Ключевые слова: словообразовательная метафора, метафорическая мотивация, производное слово, архаизация первичного значения, аффиксальная декорреляция.

Loss of Derivative's Primary Meaning as a Factor in Development of Word-Formative Metaphors

S.B. Kozinets

The article considers one of the ways of formation of word-formative metaphor in the history of the Russian language – that of the loss of

primary meaning of derivative. Analysis of the vast material elucidates the reasons for the loss of primary meanings, the most important being the meaning becoming obsolete and the change in morpheme meaning.

Key words: word-formative metaphor, metaphoric motivation, derivative, primary meaning going obsolete, affix decorrelation.

Словообразовательными метафорами (иначе – производными с метафорической мотивацией¹) называются производные слова, соотносящиеся с прямым значением производящего, но трансформирующие его в метафорическое значение: змея – змеиться, сова – советь, сердце – сердцевина, нога – подножие, бросать – броский и др.²

Словообразовательная метафора (СМ) всегда рассматривалась с точки зрения семантических

связей ее с мотивирующим, т.е. на материале современного языка, в связи с чем выделялись различные степени мотивированности, или производности³. Но синхронный подход предполагает изучение результата, тогда как процесс становления словообразовательных метафор весьма своеобразен и прихотлив. СМ – явление разнородное по своему происхождению; она могла возникнуть: 1) в самом деривационном акте; 2) вследствие утраты первичного (прямого) значения производного; 3) СМ – результат словообразовательного или семантического калькирования⁴.

Многие словообразовательные метафоры исторически восходят к метафорам лексическим, т.е. их переносное значение исконно. Оно результат внутрисловной деривации: **быстротечный** ‘текущий, льющийся быстро’, **легковесный** ‘имеющий малый или недостаточный вес’, **веский** ‘имеющий много весу при малом объеме’⁵, **молокосос** ‘питающийся материнским молоком’⁶. В настоящее время эти значения считаются устаревшими или мыслятся как окказиональные (*молокосос*). В новых толковых словарях они вообще не фиксируются, однако они могут быть подвергнуты приему буквализации: «По чевенгурским дворам процветало множество *трав*» (А. Платонов).

В настоящей статье рассматриваются словообразовательные метафоры, которые возникли в результате утраты первичного значения производного. Утрата первичного значения слова происходила вследствие архаизации первичного значения и вследствие изменения значения морфемы (аффиксальная декорреляция).

Архаизация первичного значения производного слова

Архаизация первичного значения и развитие метафорической мотивации происходит по разным причинам.

Прежде всего оно утрачивается вместе с теми реалиями, которые были свойственны для определенного исторического периода: социальными явлениями, профессиями и др. Так, существительное **юбочник** утратило значение ‘портной, шьющий юбки’ (БАС) вместе с профессией, которое оно обозначало, теперь юбочником называют ‘любителя ухаживать за женщинами, бабника’: «Он ведет себя вполне по-дружески, не давая ей повода усомниться, что он зрелый человек, а не *юбочник*, ищущий развлечений» (Д. Каралис).

В словарях отсутствуют примеры употребления слова в прямом значении, однако в БАС фиксируется также производное **юбочница** и приводится контекст: «Обе были некогда *юбочницами* в мастерской» (О. Форш). По-видимому, утрате прямого значения способствовало также то, что пошивом юбок занимались в основном женщины.

Значение глагола **рабствовать** ‘быть рабом’ исчезло вместе с рабством как общественным

узаконенным явлением: «Георгий *рабствует*, Дмитрий обладает» (А. Сумароков), актуализировалось значение ‘вести себя угодливо, преклоняться’: «Уже смолоду в нем чувствуется сознание своего человеческого достоинства, не склонного *рабствовать* перед чужим умственным авторитетом или принижаться» (А. Кони).

Существительное **мешочник** ‘шьющий мешки, торгующий ими’ (В. Даль), означавшее достаточно узкую специализацию лица, также семантически переориентировалось после утраты соответствующего рода занятия. В настоящее время мешочником называют ‘человека, занимающегося скупкой, перевозкой вручную и продажей каких-н. товаров’, при этом чаще всего слово употребляется с негативной оценкой: «Мы <...> пришли к заключению, что от девальвации никто не пострадает, даже торговцы импортным товаром и *мешочники*» (А. Тарасов). Отрицательная оценка была унаследована от ныне исчезнувшего значения, актуального в годы Гражданской войны, – ‘человек, скупавший и перевозивший в голодные годы хлеб’⁸: «Если же мы рассмотрим данные о провозе хлеба *мешочниками*, – были недели, когда приходилось разрешать свободный провоз, – то окажется, что за те же три недели *мешочники* могут провезти не более 200 тысяч пудов» (Л. Каганович). Если говорить точнее, значение не исчезло, а расширило свое употребление, став обозначать вообще спекулянта.

Предмет мог не исчезнуть полностью, но потерять свою актуальность, выйти из моды: **вуалировать** ‘прикрывать, покрывать вуалью, скрывать от взоров’ (БАС). В настоящее время глагол имеет значение ‘намеренно делать неясным, затемнять суть чего-либо’: «Такт и воспитанность Людмилы Ильиничны искусно *вуалировали* этот маневр» (О. Волков).

Утрате значения ‘относящийся к первой статье, к первому разряду’ прилагательного **первостатейный** способствовало исчезновение такого сословия, как купцы: «Нашего товару не охает ни дворянин, ни купец *первостатейный*» (М. Погодин). В настоящее время прилагательное обозначает ‘превосходящий всех других себе подобных’ и ‘имеющий основное значение’: «Имелся в виду Иван Илларионович Голицын, *первостатейный* художник, товарищ и семьянин» (В. Пьецух).

Утрачено значение существительное **застрельщик** ‘солдат в рассыпном строю, который первый встречался с противником’ (БАС): «*Застрельщики*, скользя по сыпному щепню, взвалку побежали наверх» (Б. Лавренев). Затем семантика начала актуализироваться и стала основной: ныне существительное обозначает ‘того, кому принадлежит почин в каком-л. деле’: «Всего несколько лет назад Тамара Царик была активным *застрельщиком* в борьбе региональных банков против столичной экспансии» (С. Батутене).

Глагол **барствовать** сохранил только значение 'жить в роскоши, праздности; бездельничать': «Но и сами-то мы приучаемся шиковать, *барствовать* и бросаться деньгами» (Д. Фурманов), тогда как первичное значение 'жить баринком' (БАС) утратилось вместе с расслоением общества на классы: «За что их любить? Смолоду они щеголяют, *барствуют*, роскошничают у Борелей» (И. Гончаров). Развитию и закреплению переносного оценочного значения способствовало отрицательное отношение к правящим классам, утвердившееся после Октябрьской революции.

Прямое значение глагола **бичевать** 'наносить удары бичом, сечь': *Сеґчеть всехъ, веиаетъ, бичуютъ, клеимтъ* (СРЯ XVIII) ушло в пассивный запас после отмены подобного наказания. Его вытеснило переносное значение 'резко изобличать, подвергать суровой, жестокой критике' (БАС), возникшее не раньше конца XIX – начала XX в. в публицистической речи: «Это были популярные в то время трагедии в стихах из древней славянской и русской истории и комедии, *бичующие* общественные пороки» (Э. Кричевская). В настоящее время глагол также имеет книжное употребление.

Первичное значение утрачивалось также в результате «конкуренции» синонимов: оно замещалось: а) однокоренным словом с синонимичным формантом; б) словом аналогичной словообразовательной структуры; в) неоднокоренным словом с иной словообразовательной структурой.

Замена однокоренным словом с синонимичным формантом

Прямое значение слова могло исчезать, если производное имело однокорневой синоним с семантически более «нейтральным» аффиксом. Данный синоним и закреплял за собой прямое употребление, переводя другое производное в этом же значении в разряд архаизмов. В основном синонимичная замена происходила среди имен прилагательных: **блестящий** 'сверкающий' – **блистательный** 'издающий блеск, сверкающий, блестящий' (БАС): «И тамо, где металл *блистательный* сокрыт, там роет землю он глубокими корнями» (Ф. Тютчев) и 'яркий, выдающийся': «Его великолепный логический аппарат и *блистательное* умение формулировать» (Д. Рубина); **мелкий** 'небольшой по величине, объему' – **мелочный** 'мелкий по величине, объему, размерам' (СРЯ XVIII): «Хозяйка <...> могла избавить себя от хлопот за *мелочными* потребностями домоводства» (Н. Бестужев) и 'придающий значение пустякам, мелким, не имеющим значения фактам': «Не подумайте, будто краснопресненский руководитель *мелочно* следил за подчиненными» (Ю. Поляков); **царский** 'относ. к царю' – **царственный** 'то же, что царский (в 1 знач.)' (БАС): «Теперь гляжу я равнодушно / На трон его, на *царственную* власть» (А. Пушкин) и 'величественный, величавый': «Вера же была строго проста, со всеми холодно и немного свысока любезна,

независима и *царственно* спокойна» (А. Куприн); **ремесленный** 'связанный с ремеслами' – **ремесленнический** 'к ремеслам и к ремесленникам относящийся' (Даль) и 'не творческий, шаблонный': «В этом воистину *ремесленническом*, бескамерном стиле кинохудожник продолжал работать до конца жизни» (С. Брэкидж); **машинный** 'относящийся к машине' – **машинальный** 'относящийся к машине' (СРЯ XVIII) и 'совершаемый непроизвольно в силу сложившегося навыка вести себя определенным образом': «Я *машинально* подсчитал, сколько осталось до четверга» (С. Довлатов).

Иногда прямое значение закреплялось за стилистически окрашенным производным. Прилагательные **механичный** и **механический** обозначали 'связанный с законами и явлениями механики': «На самом шпигере врат поставихомъ палладу богиню всякихъ художествъ свободныхъ и *механичныхъ*; При академии искуснаго мастера *механических* дел никогда не бывало» (СРЯ XVIII). Оба прилагательных развивают метафорическое значение 'производимый, действующий без участия сознания; машинальный': «Совершенно ошеломленные, мы *механически* оделись и вышли из клуба» (М. Зощенко); «Любовь была зла, повторяема, *механична*, пока смех не раздул ноздри, и он засмеялся» (Ю. Тынянов). В дальнейшем прямое, «техническое» значение закрепилось за формой с суффиксом **-ическ-**, так как этот морф широко используется при образовании слов книжного стиля, в том числе различных терминов: *технический, циклический, математический, хореографический, хронометрический* и др. Прилагательное **механичный** сохранило только качественное значение.

Синонимичной замене подвергались также производные глаголы, гораздо реже существительные.

Насытиться 'наестся досыта' – **пресытиться** 'насытиться сверх меры, в избытке' (БАС): «Он так *пресыщался*, что стол его обходился казне в день четырехста рублей» (Н. Лесков) и 'стать безразличным, равнодушным к чему-л.': «Европейская образованность других политических друзей наших еще слишком зелена, чтобы они были в силах *пресытиться* однообразным идеалом западной культуры» (К. Леонтьев). Некоторые современные толковые словари⁹ включают в словарную статью глагола *пресытиться* прямое значение без пометы «устаревшее», что, на наш взгляд, необоснованно. Оно ушло в пассивный запас и его современное употребление несколько претенциозно. Значение 'наестся досыта' передается глаголами *насытиться* и *наестся*.

Расцветать 'давать цветки, распускаться' – **процветать** 'расцветать, распускаться, цвести' (БАС): «В краю поэзии, где *процветал* когда-то / Зеленый лавр и мирт великого певца» (П. Вяземский) и 'успешно развиваться, находиться в состоянии подъема': «И при Сатиных, а потом и при Рахманинове усадьба в Ивановке *процветала*,

была ухоженной, разумно распланированной» (И. Архипова).

Охладить ‘сделать холодным, остудить’ – **расхолодить** ‘говоря о горячей воде или тому подобном: через примесь холодной воды простуживать’¹⁰ и ‘заставить относиться более холодно, равнодушно к кому-, чему-либо, ослабить силу и живость чувств’: «Как ни воспламенились сердца обывателей по случаю приезда нового начальника, но прием его значительно *расхолодил* их» (М. Салтыков-Щедрин).

Занавеска ‘полотнище, отрезок ткани для завешивания или отгораживания чего-л.’ – **завеса** ‘большая занавеска; кусок ткани, висящий и закрывающий что-л.’ (БАС): «Тяжелая, негнувшая шелковая *завеса* мерно падала с петли и закрывала свет» (И. Гончаров) и ‘то, что скрывает, закрывает собой что-либо’: «Я вдруг вспомнил, зачем сюда пришел, выдвинул ящик стола, нашел кристаллофон с записью ируканских боевых маршей и аккуратно подвесил его к мочке правого уха. Звуковая *завеса*, сказал я себе в последний раз» (Бр. Стругацкие).

Если прямое и переносное значение слова соотносились с различными значениями производящего, а производное имело параллельное образование, это часто влекло «за собой мотивацию подобных производных разными лексико-семантическими вариантами производящего»¹¹. Так, прилагательное **зверский** обозначало ‘относящийся к зверю’: «Питаются <чайки> рыбою, также всяким мертвым мясом *зверским* и скотским» и ‘жестокий, свирепый’ (СРЯ XVIII): «Случай к тому подал неистовый и беспутный или, лучше сказать, *зверский* поступок одного из его сыновей» (А. Радищев). Соответственно значения производного соотносились с разными значениями существительного **зверь** – ‘дикое животное’ и ‘жестокий, свирепый человек’. Параллельно со словом *зверский* – в этих же значениях – употреблялось производное **зверинный**. Такой «двойной» параллелизм – прямых и переносных значений двух производных привел к тому, что прилагательное *зверский* утратило прямое употребление. Приоритет суффикса **-ин-** в выражении прямого и переносного значений объясняется тем, что именно он являлся одним из основных формантов (наряду с суффиксами **-ий** и **-ов-**), образующих относительные прилагательные от названий животных.

Прилагательные, образованные от названий животных с помощью суффикса **-ск-**, в настоящее время имеют только оценочное метафорическое значение: **попугайский** ‘такой, как у попугая’, **свинский** ‘непорядочный, подлый’, **скотский** ‘грубый, низменный’. Исключение составляет слово **конский**, имеющее прямое значение.

Прилагательное **злачный** ‘обильный злаками’: *и агньци на злачней траве почиваху* (СРЯ XVIII) утратило свое значение во второй половине XIX в. В.В. Виноградов отмечает, что «слово “злачный” применялось в неопределенном переносном значении у многих поэтов первой четверти XIX в.

Например, в поэме Духовского «Ослепленный» (1825): «Я видел тент и *злачный* лес»¹². Ученый указывает, что новое, переносное употребление слова с ироническим оттенком возникло в языке разночинцев. Первоначально оно употреблялось в составе фразеологизма *злачное место* ‘место, где кутят и развратничают’. Затем его сочетаемость расширилась за счет других существительных с пространственной семантикой: «в *злачном* районе на канале Ахтербург» (Е. Малик); «гулять по ночам по *злачным* кварталам» (В. Абаринов); «*злачные* заведения города» (А. Тарасов); «...по Ленинградскому шоссе и прочим *злачным* магистральям» (А. Слаповский); «по всем *злачным* московским дырам» (В. Спектр).

Прямое значение в настоящее время реализуется в слове **злаковый** ‘прил. к злаки’, но имеет специальное употребление: *злаковые растения, злаковые культуры, злаковые степи*.

Утратившиеся прямые значения некоторых прилагательных стали передаваться причастиями: **непотребный** ‘такой, в котором нет никакой надобности’ (БАС): «И время дни иного косит, / Как *непотребную* траву» (П. Вяземский) – **не употребляющийся** и ‘очень плохой, скверный // неприличный, непристойный’: «Знал черный рынок и все *непотребные* места» (С. Довлатов); **продувной** ‘сквозной, тонкий, легко продуваемый’: «Приют прохлады в летний зной, / Нады полог *продувной*» (А. Языков) – **продуваемый** и ‘хитрый, плутоватый’: «Но самой удивительной была ее *продувная* физиономия, ну точно – маска Арлекина» (Д. Рубина). В БАС разные значения слова *продувной* даются уже как омонимы; **проницательный** ‘способный проникать куда-либо’: «А за сими выступали двое, несущие на древках земной шар, от половины которого и до другой сделан был круг из звезд *проницательного* и блестящего камня на шаре» (М. Чулков) – **проницаемый** и ‘быстро и верно разгадывающий, понимающий сущность кого-, чего-л.’: «Я не был в этом уверен, но не пронзая же мне было его *проницательным* взглядом, и я понесся дальше» (Бр. Стругацкие).

Синонимическая замена произошла также в словах **мертвенный** ‘подверженный смерти, смертный’: «Павел святой некие неизреченныя доброты будующия подасть намъ: нетление, славу, силу, ... но яко толико измену получат, что далече разиствовати будут от *мертвеннаго* ненешнаго состава своего» (СРЯ XVIII) – **смертный** и ‘такой, как у мертвеца, безжизненный’: «Старуха с трясущейся челюстью, *мертвенными* глазами и почему-то говорящая со своей спутницей по-французски» (М. Булгаков).

Замена словом аналогичной словообразовательной структуры

Первичное значение могло вытесняться производным аналогичной словообразовательной

структуры, содержащим более нейтральный корень: **бесхребетный** 'не имеющий хребта' (БАС) – **беспозвоночный** 'не имеющий позвоночника'. Прилагательное **бесхребетный** стало обозначать 'беспринципного человека, не имеющего твердого характера': «Мое поколение выросло *бесхребетным* – это все произошло из-за перемены времени» (А. Братерский). **Охладеть** 'сделаться холодным, остыть' (БАС): «Котлы давно успели *охладеть*» (А. Куприн) – **остыть** 'утратив тепло, стать холодным'. Глагол *охладеть* употребляется в современном языке в значении 'стать равнодушным, потерять прежнюю живость чувств, утратить интерес к кому-, чему-либо': «Услышав эту историю, я быстро *охладел* к Тае» (Ю. Поляков).

Прямое значение производного могло вытесняться синонимом, с другим корнем и словообразовательной структурой.

Слово **поветрие** в древнерусском языке имело следующие значения: 1) 'попутный ветер', 2) 'наветренная сторона', 3) 'воздух', 4) 'эпидемия, мор' (СРЯ XI–XVII). В «Словаре Академии Российской» фиксируется уже только одно значение – 'заразительный воздух, причиняющий повальные болезни скоту или людям': «*Поветрия* на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употребляться должны» (М. Ломоносов).

По наблюдениям В.В. Виноградова, «на основе этого значения развилось к середине XIX в. переносное, носившее резкий отпечаток неодобрения 'модное течение, модное пристрастие к чему-нибудь, носящийся в воздухе и вызывающий временное общественное увлечение образ мыслей'¹³: «Поддавшись общему *поветрию*, я решил приобрести себе собственный транспорт» (Ф. Искандер). Переносное значение слова быстро вытеснило прямое, которое стало обозначаться иноязычным заимствованием **эпидемия**.

Прилагательное **пылкий** 'быстро воспламеняющийся, ярко горящий': «Утро было морозно, солнце катилось по синеве *пылко* и лучезарно» (А. Бестужев-Марлинский) к первой половине XX в. полностью утратило прямое значение (в БАС оно дается с пометой «устар. и обл.»), оно заменилось словом **горючий**. Первичным стало значение 'страстный, горячий': «Но временами он с трудом мог совладать со своею *пылкой*, ревнивой натурой» (В. Отрошенко).

Сходные семантические изменения наблюдаются у однокоренных прилагательных **веский** 'имеющий много весу при малом объеме' (БАС): «Так не один свершал он поворот, / Иль крылья вдруг поджав, как камень *веский*, бросался вниз» (А.К. Толстой), возникшего не ранее XVII в., и **весомый** 'имеющий вес, обладающий весом' (БАС), появившегося гораздо позже: «Самгин, сквозь стекло в двери кареты, смотрел во тьму и она казалась материальной, *веской*» (М. Горький).

У обоих прилагательных развивается переносное значение 'серьезный, убедительный, значительный': «В это трудно поверить, требуются *веские* доказательства, опрос свидетелей, показания очевидцев» (Л. Улицкая); «Выяснение причины возникновения магнитного поля планет и Солнца может оказаться магнитным полем планет существованием эфира и его деформации» (В. Ахияров). Первичное значение утрачивается, поскольку более «конкурентоспособным» оказывается слово **тяжелый**, называвшее признак напрямую и не имевшее книжной окраски.

В некоторых современных толковых словарях¹⁴ у прилагательного *весомый* фиксируется прямое значение 'ощутимый по весу; достаточно тяжелый', что, на наш взгляд, малоубедительно: во-первых, данные словари не приводят примеров употребления этого значения, во-вторых, мы не обнаружили подобных примеров ни в одном текстовом источнике XX в.

Исконное значение прилагательного **неусыпный** – 'не спящий, бодрствующий': «Может ли *неусыпной* пастух лютому волку любимую свою овечку на жертву приносить?» (СРЯ XVIII) в современном языке передается причастием **бодрствующий**. Основным стало метафорическое значение 'постоянно проявляемый, неослабный': «Жизнь требовала изобретательности изощренной и *неусыпной*» (А. Чудаков).

В некоторых случаях первичное значение развивалось в сторону расширения семантики. Со временем более узкое первичное значение оказывалось неактуальным и уступало место вторичному.

У глаголов расширялось денотативное пространство, т.е. круг объектов, на которые распространялось действие. В этом случае основной объект – ономазиологический базис, мотиватор не только становится всего лишь одним из ряда объектов, но может вообще перейти в разряд имплицитных. Так произошло с глаголом **гвоздить** 'прибивать гвоздями' (В. Даль); 'вбивать гвозди' (СРЯ XVIII). Действие «бить» стало распространяться не только на любой конкретный предмет: «Возьмет хороший сорокакилограммовый молот и начнет *гвоздить* им по *кольцу*» (Г. Адамов); «Танки генерала Грачева *гвоздили* по *Дому Советов*» (А. Проханов), но и на одушевленный объект: «Беспощадно и резко *гвоздил* он врага боевой секирой, всегда наповал» (П. Алешковский). Значение 'прибивать гвоздями' при этом полностью утратилось.

Глагол **искоренить** имел значение 'вырвать с корнем': «И ногты стрьгаша по семь оусекоша оубе роуце ея, по семь нозе, *искорениши* и зоубы» (СРЯ XI–XVII). На основе семы 'уничтожать' развилось метафорическое значение 'полностью устранить, уничтожить, истребить': «памят имат подвизати всю силуу вражию въ срдци. и память имат ю победити и *искоренити* по части» (СРЯ XI–XVII). Семантика уничтожения стала основ-

ной в переносном значении, которое обозначало действие, направленное на отвлеченный объект: «С принятием христианства языческая символика и обряды были запрещены, но не *искоренены* полностью» (Н. Феоктистова). К концу XIX в. первичное значение полностью утратилось, оно стало передаваться соответствующим сочетанием *вырвать с корнем*.

Во всех рассмотренных случаях важным сопутствующим фактором утраты первичного значения являлось возрастающая частотность употребления переносного значения. В некоторых случаях этот фактор выступает в качестве основной причины архаизации исходного значения. Метафорический ЛСВ становился более актуальным и отодвигал на второй план базовое значение. При этом утверждавшаяся метафора меняла стилевой регистр слова – либо в сторону книжной, либо – разговорно-бытовой лексики.

Например, значение существительного **живоглот** отчасти выводилось из его словообразовательной структуры – ‘хищник, проглатывающий добычу в живом состоянии’: «Сом, с большим усом, да *живоглот* щука» (В. Даль). Это слово могло употребляться и по отношению к человеку: «Гришка поймал из воды пескарика и проглотил живого, а Денис и сказал ему: “Ишь ты, *живоглот!*”» (И. Шмелев). В словаре В.И. Даля впервые фиксируется переносный оттенок ‘корыстный, хапала, обидчик, ворованчик, грабитель’. В (БАС) представлены прямое и отеночное значение слова, однако в словаре под ред. Д.Н. Ушакова фиксируется только метафорическое значение – ‘эксплуататор, мироед, кулак’, т.е. прямое употребление слова уже тогда осознавалось как неактуальное. При этом на первое место выдвигалась классовая оценка: «Бери! Не стесняйся! Чего там! / Бог вспомнил про нас, бедняков. / Была тут на днях *живоглотам* / Ревизия их сундуков» (Д. Бедный). Со временем классовая оценка из значения выветрилась, осталась только общая негативная оценка: ‘беспощадный и жестокий человек, притесняющий других, навивающийся за их счет’: «Одно жалею, – говорил он, – не я ему, *живоглоту* любимому, гроб делал» (Г. Владимов). Перейдя в разряд СМ, слово приобрело стилистически сниженную окраску – оно дается в словарях с пометами «просторечное», «разговорно-сниженное».

Прилагательное **животрепецущий** возникло в профессиональной среде, служило определением к слову рыба и имело вполне конкретное значение ‘бьющийся и подпрыгивающий, трепыхающийся (о живой рыбе, извлеченной из воды и еще не заснувшей)¹⁵: «Повсюду на треногах варили рыбаки уху, все из ершей да из *животрепецущих* рыб» (Н. Гоголь). В.В. Виноградов отмечает, что «в этом значении слово употреблялось в языке рыбных торговцев вплоть до революции». Метафорическое значение слова ‘живой, затрагивающий острые и важные сторо-

ны современности; злободневный, актуальный’, по мнению ученого, возникло в первой четверти XIX в. из-за необходимости точной передачи переносно-общественного смысла французского слова *palpitant*. Его употребление изначально носило книжный характер, поэтому в настоящее время прилагательное *животрепецущий* имеет оттенок книжности: «Но таков, к сожалению, наш менталитет: только сиюминутное, *животрепецущее*, становится предметом внимания общественности» (А. Митьков).

В XIX в. у слова развивается также значение ‘шаткий, колеблющийся, находящийся в постоянном движении’: «Как большинство всех дачных построек, это был *животрепецущий* домик с дощатыми переборками» (Н. Лесков), однако оно вскоре исчезло из употребления, поскольку «гораздо более живой силы и семантического притяжения обнаружило то значение слова, которое было открыто В.Ф. Одоевским»¹⁶.

Исконное значение прилагательного **двуликий**¹⁷ – ‘имеющий два лица’ (БАС). Это значение, судя по данным словарей¹⁸, употреблялось только в сочетании *двуликий Янус* – древнеримское божество времени, изображаемого с двумя лицами, с юношеским и старческим, обращенными в противоположные стороны, т.е. оно изначально было фразеологически связанным. Однако двуликими раньше назывались также куклы, у которых было два лица: «Игрушка *двулика*: спереди – мальчик-подмастерье, а сзади – зрелый мастер с бородой, так как кузнец никогда не сбрасывал бороду» (И. Агаева).

На его основе образовались метафорические значения ‘закрывающий в себе два противоречивых свойства, начала’: «*Двулика* конкуренция обернулась ласковой стороной – западные продавцы боролись за «ВымпелКом» – покупателя» (Г. Горелик) и ‘лицемерный’: «Ненавижу вас, проклятые *двуликие* животные!» (Ю. Герман). Часто эти значения совмещаются: «И ему нравилось быть *двуликим* – в нем жил и ведущий советский литературовед Андрей Синявский, и потаенный, издаваемый осквернитель святынь Абрашка Терц» (Н. Воронель). Более употребительным в настоящее время является первое метафорическое значение.

Значение прилагательного **молниеносный** полностью раскрывалось через его внутреннюю форму – ‘несущий, содержащий в себе молнию’ (СРЯ XVIII): «Как сонм неподвижных гигантов представлялись, / Которых опалил *молниеносный* гром» (В. Капнист). Это значение закрепилось в поэтической речи, в словарях оно отражалось с пометой «трад.-поэт.»: «*Молниеносной* тучи глыба перевалила за леса» (Я. Полонский). Более актуальным оказалось переносное значение ‘стремительный, мгновенный’, появившееся не позднее XVIII в.: «Ее последняя речь / Пронзила сердце, как *молниеносный* меч» (П. Плавильщиков).

Возникшее в древнерусскую эпоху значение ‘пронзительный, грозный’ (СРЯ XI–XVII) не закрепились в языке – словарь (СРЯ XVIII) его не фиксирует.

Исконное значение глагола **окрылить** – ‘давать крылья’ (В. Даль). Глагол относился к словообразовательному типу ‘наделить тем, что названо мотивирующим существительным’ (*остеклить, обилетить, озаглавить*). В «Словаре Академии Российской» зафиксировано также значение ‘покрывать, ограждать, осенять крыльями’: «Избави насъ, молимъ тя неизреченного твоею милостию, Владычице, люди твоя, и *окрыляющи* защиты».

В древнерусском языке соотносительный с ним глагол **окрылатети** (в современном языке он принял возвратную форму *окрылиться*) имел, помимо прямого – ‘приобрести крылья, стать крылатым’, метафорическое значение ‘воодушевиться, почувствовать прилив сил’: «Достоить ны радоватися и веселитися, и *окрылатети* сладостию» (СРЯ XI–XVII). Метафорическое значение, переводящее глагол в ЛСГ психического воздействия, было усвоено и глаголом *окрылить* – ‘привести в состояние душевного подъема’: «Из леса я вышел *окрылённый* психическим здоровьем нации и надеждами на следующие выходные» (И. Охлобыстин), которое вытеснило исходное значение, ставшее в середине XIX в. неактуальным.

Сложные существительные **блюдолиз** и **лизоблюд**, образованные от одинаковых основ, но с разной позицией глагольной и именной частей имели одинаковое значение: *блюдолиз* ‘тот, кто любит поживиться за чужой счет; прихлебатель’: «А все-то *блюдолизы* римские устроили съ Никономъ врагомъ гонение на христианъ» (СРЯ XI–XVII); *лизоблюд* ‘охотник до чужих обедов’. При этом вариант *лизоблюд* возник не ранее первой половины XIX в.: впервые он зафиксирован в «Словаре Академии Российской».

В настоящее время оба слова имеют значение ‘человек, который прислуживается к кому-л., подхалим’: «Были при Арканарском дворе и поэты, в большинстве *блюдолизы* и *льстецы*» (Бр. Стругацкие); «Старшина Хутяков, опытный подхалим и *лизоблюд* еще кадровой закалки, сразу усек, что офицерство пренебрегло новым взводным» (В. Астафьев).

Слово *блюдолиз*, несмотря на то что образовано по более продуктивной модели словосложения – с именной частью в первой основе, менее употребительное, оно фиксируется не всеми словарями, например, отсутствует в словаре Ожегова–Шведовой. По-видимому, для сознания носителей языка важным оказалось выделение именно глагольной основы *лизать*, ассоциирующейся с прислужничеством, угодничеством. Ср.: **лизать пятки (ноги, руки)** – ‘пресмыкаться, унижаться перед кем-л., подхалимствуя’.

Существительное **подножие** изначально имело значение ‘пространство у ног, под ногами; то, куда ставят ноги, на что преклоняют колени’: «Положу врагы твоя *подъножию* ногама твоима»¹⁹, но уже в древнерусском языке развивается ЛСВ ‘подставка, основание чего-л. возвышающегося’: «А какъ венчаются, на *подножие* положить пара соболей» (СРЯ XI–XVII). В дальнейшем семантика производного расширяется: появляется значение ‘место у самого низа, основания чего-л.’: «Мне запомнилось, как он стоял у *подножия* холма, на котором возвышается Успенский собор» (И. Архипова).

Оно становится наиболее употребительным, основным. Актуализация семы ‘основание’ происходила параллельно с затушевыванием семы ‘под ногами’, которая перешла в разряд имплицитных.

Аналогично развивалась семантика существительного **преддверие**, первоначально употреблявшееся в значении ‘место перед дверьми, перед входом (сени, крыльцо, порог)’ (СРЯ XI–XVII): «В *преддверии* моем я слышу стук и треск / Пришли минуты злы, короны тьмится блеск» (А. Сумароков). В древнерусскую эпоху у него развивается и отвлеченное – временное – значение ‘начало чего-л.’ В настоящее время именно это значение является основным: «В *преддверии* выборов уже началась борьба за голоса верующих избирателей» (И. Пылаев).

Возросшая частотность употребления метафорических значений была также причиной утраты исходных значений производных **медоточивый** ‘сладкоречивый, льстивый, слащавый’ (← ‘содержащий мед’: «Плоды представились и яства *медоточны*, / каких не ведают во днесь страны восточны», М. Херасков); **искрометный** ‘яркий, сверкающий’ (← ‘мечущий искры, искрящийся’: «Но сам погиб – сгорел в неравной схватке, как *искрометный* метеор», И. Бунин); **обуревать** ‘охватывать с большой силой’ (← ‘подвергаться действию непогоды, природных стихий’: «Корабль *обуреваются*, но погружень не бывает»); **корениться** ‘иметь что-либо своим источником, причиной; происходить от чего-либо’ (← ‘пускать корни в землю’: «И тинистое дно, где зелья *коренятся*, и гады черные во мраке шевелятся», В. Бенедиктов); **афишировать** ‘выставлять напоказ, подчеркивать своим поведением’ (← ‘объявлять в афише’: «Партер никакого не имеет права требовать того танца, который не был *афиширован*», Д. Фонвизин); **зажимистый** ‘скуповатый, прижимистый’ (← ‘способный крепко сжать, не выпустить захваченного’: «Кулак *зажимист* у него», В. Даль);

Прямые значения этих слов исчезали полностью – без синонимического замещения, поскольку в большинстве случаев они имели ограниченную сочетаемость – с одним-двумя словами, и вследствие этого обозначаемая им характеристика предметов и явлений была, по существу, избыточной.

Аффиксальная декорреляция производного слова

Аффиксальная декорреляция – это изменение значения форманта или значения словообразовательного типа. Словообразовательный тип, как и любая языковая единица, – явление динамическое. Он может как расширяться, так и сужать объем мотивирующих слов. Расширение/сужение объема происходит не только в количественном, но и в качественном плане – меняется лексический состав производящих основ, смысловое соотношение между производным и производящим.

Изменения значения формантов наблюдаем прежде всего в производных глаголах.

Так, глаголы *огреть* и *взгреть* обозначали ‘сделать теплым, нагреть’ и ‘разогреть’ соответственно: «И се на лица пустыни аки семя бело и аки ледъ на земли... идеже *огрешше* солнце, растаяше»; «Всякие суды, ковши и братини, воды *взгревь* изутра, избу затопивъ, перемыти и вытерти». Эти значения фиксируются еще в БАС без каких бы то ни было помет. Однако уже в Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова слово *взгреть* дается как словообразовательная метафора – ‘отколотить, побить; выругать’: «*Взгреют*, конечно, за каждый лишний денёк, будь готов!» (О. Павлов), а прямое значение глагола *огреть* ‘обогреть’ дано с пометой «областное». Причем именно в этом словаре впервые фиксируется переносное значение глагола *взгреть*, тогда как значение ‘ударить’ глагола *огреть* существовало уже в старорусском языке: «Пришел Давид, почел ерша давить; пришел Андрей да ерша *агрел*» (СРЯ XI–XVII). Форманты **о-** и **вз-** какое-то время конкурируют с другими префиксами, имеющими подобное значение – *раз-*, *на-*, *подо-* (*разогреть*, *нагреть*, *подогреть*), но в итоге конкуренции не выдерживают, поскольку в процессе языковой эволюции за ними закрепляются другие значения.

Глагол *всадить* имел значение ‘поместить, заключить куда-л.; посадить’: «Изяславъ же... дружину его исковавъ расточи, а Ростислава *всади* въ лодью»²⁰, т.е. он относился к словообразовательному типу со значением ‘переместить предмет внутрь пространства’. В XVII в. появляется значение ‘с силой воткнуть, вонзить’: «...да *всадилъ* бы я свое булатное копье въ твое товожаное ратовище и утешилъ бы я, молодець, свою мысль молодецкую» (СРЯ XI–XVII). В этом ЛСВ глагол реализует значение словообразовательного типа ‘перемещение предмета в среду другого предмета’ (*вогнать*, *воткнуть*, *вколоть*, *впрыснуть*). Вторичное значение закрепляется в дальнейшем как основное – в Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова фиксируется только оно, а семантику перемещения внутрь пространства выражает приставка **по-**.

В рассмотренных примерах мы наблюдаем случаи семантического опрошения, поскольку в современном языке связь между производным и производящим в словообразовательных парах

греть – *огреть*, *греть* – *взгреть* и *садить* – *всадить* ощущается прежде всего на формальном уровне. Установление смысловой связи возможно только с помощью специального семантического анализа.

Глагол *избегать* имел два значения ‘уходить, убежать’: «Глагола рабыня: сквернаве да не внидеши въ домъ, ибо *избегнуть* вси вонь» и ‘уклоняться // спасаться, уберечься’ (СДРЯ XI–XIV): «По несчастию его, и в статской службе не *избегнул* того, что оставляя военную, удалиться хотел» (А.Н. Радищев). Дело в том, что в древнерусском языке приставка **изъ-** в сочетании с глаголами движения обозначала ‘направленность движения от чего-то’ или ‘направленность движения изнутри’: *излезти* ‘выйти, уйти откуда-л.’, *изъехати* ‘выехать, уехать’, *изходити* ‘выходить, уходить откуда-л.’, *изтекати* ‘вытекать’, *излетети* ‘вылететь, улететь’ (СДРЯ XI–XIV). Впоследствии эти значения закрепились соответственно за приставками **у-** (*убежать*, *улететь*, *уйти*, *уплыть*) и **вы-** (*выбежать*, *вылететь*, *выйти*, *выплыть*), а приставка **из-** стала обозначать ‘удаление предмета’. В «Словаре Академии Российской» у глагола *избегать* фиксируется только значение ‘уклоняться от чего-л. // сторониться’.

У глагола *казниться* ‘страд. к казнить’: «Змен того ради смертию *казнятся*, яко да техъ наказаниемъ прочии въ чувство придуть и исправятся» (СРЯ XI–XVII) страдательное значение постфикса **-ся** меняется на собственно-возвратное ‘испытывать нравственные страдания, терзаться, сознавая свою вину и раскаиваясь’: «Пред Аничкой своей *казнился*, убивался, мысленно из Новгорода к ней на коленях полз, туфельки ее целовал» (Б. Васильев). Страдательное значение в настоящее время выражается формой страдательного причастия: «Да, злодеи *казнены*, злодеи осуждены, однако “вторые Рылеевы” зовут к топору» (Ю. Давыдов).

В некоторых случаях формант закреплялся за производными определенного типа, остальные производные либо утрачивались, либо сохранялись с переносным значением. Например, отглагольные прилагательные с суффиксом **-лив-** обозначают ‘склонный к действию, названному мотивирующим словом’: *пугливый*, *болтливый*, *ворчливый* и др. Значение прилагательного **щекотливый** ‘боящийся щекотки’ не отвечало семантике типа, поскольку обозначало как раз **не склонного** к действию, во-первых, а во-вторых, само действие в этом случае направлено на субъекта: «Приказный был заведомо необыкновенно *щекотлив*, до того, что с ним делались судороги, если его кто-нибудь из товарищей хватал для смеха за колено» (Н. Лесков). Вследствие этого прилагательное сохранилось в значении ‘требующий большой осмотрительности’: «Американцы страшно не любят оказываться в *щекотливых*, двойственных, неловких положениях» (С. Довлатов).

Значение словообразовательного типа прилагательных с суффиксом *-ист-* – ‘характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’. В нем выделяются два семантических подтипа: 1) ‘обладающий тем, что названо мотивирующим словом’: *льдистый, слоистый, тенистый, морщинистый, сахаристый, глинистый* и 2) ‘имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом’: *змеистый, творожистый, пружинистый, бархатистый, ершистый*²¹.

До первой половины XIX в. первый семантический подтип включал также множество прилагательных, образованных от названий животных: *змеистый, муравьиный, рыбистый, пчелистый, зайчистый*, ‘обильный змеями (муравьями, рыбами и под)’. Однако во второй половине XIX в. «в значительной степени меняется лексический состав слов этой группы – в результате изменений словообразовательных связей суффикса. Уходит из употребления группа прилагательных, произведенных от существительных – названий живых существ»²². Из отзооморфных образований в современном русском языке сохранились только два – в переносном значении – **ершистый** ‘неуступчивый, обидчивый, колючий’: «Уж не знаю, право, как и быть, – жаловалась Варвара, – ершистый такой стал, что просто страх» (Ф. Сологуб) и **змеистый** ‘напоминающий движущуюся змею, извилистый’: «Навстречу машине бежала и бежала позёмка дымными *змеистыми* струями» (Б. Екимов), т.е. они «перекочевали» из первого подтипа во второй.

Существительные с суффиксом *-ств(о)* мотивируются существительными и прилагательными (прилагательное выступает как формальный мотиватор, а опосредованно они также мотивируются существительными) и обозначают ‘свойство или занятие лица’²³: *лихоимство, невежество, геройство, чудачество, барство, чудачество* и под. Причем уже в XIX в. «в системе существительных данный формант стремится ограничить сферу своего функционирования пределами основ существительных со значением лица»²⁴. Небольшую группу составляют имена, образованные от названий животных: *зверство, скотство, хищничество, свинство*. Некоторые из них изначально имели значение ‘свойство животного, названного в производящей основе’: **хищничество** ‘свойство хищника’: «Они [дикие коты] живут *хищничеством* и душат маленьких воробьев в самых их гнездах» (Н. Гоголь); **зверство** ‘свойство зверя’: «Модстрихи бы тотъ часъ взявъ въ помощь суевѣрство и человечество преобратили въ *зверство*» (СРЯ XI–XVII).

Однако этот тип оказался непродуктивным, поэтому на первый план стали выдвигаться переносные значения отзоонимных имен: «К ней лютым *зверством* обуянна, / Защиты обнажила меч» (В. Капнист); «Образ жизни итальянский, то есть весьма много *свинства* (Д. Фонвизин), которые

вытесняют первичные значения и становятся единственными».

Семантические изменения совсем иного типа наблюдаем в производных **ребячество** и **школьничество**, которые также относились к словообразовательному типу ‘свойство или занятие лица’ и имели значения ‘детский возраст, детство’ и ‘школьный возраст’ (СРЯ XVIII) соответственно: «Расскажу тебе сказку, которую в *ребячестве* мне рассказывала старая калмычка» (А. Пушкин); «Тридцать лет! Половина жизни. Двенадцать лет ребячества, четыре *школьничества*, шесть юности» (А. Герцен). Затем у существительных развились процессуальные значения оценочного характера: ‘поведение, поступки, свойственные детям’ и ‘несерьезное поведение, свойственное школьнику’: «Тут решительно одно только *школьничество* – глупое, скверное, за которое следует строжайше наказать» (Ф. Достоевский); «Я направился к выходу, уговаривал себя не оглядываться – в конце концов, что за *ребячество!*» (Б. Акунин). В своих прямых значениях существительные были вытеснены словами **детство** и **ученичество**, а переносные значения стали соотноситься с глаголами **ребячиться** ‘вести себя по-детски, шаловливо, несерьезно’ и **школьничать** ‘вести себя так, как это свойственно школьнику’. Таким образом, в данных производных не только произошла суффиксальная декорреляция (качественное значение суффикса **-еств(о)** поменялось на процессуальное), но изменилось направление мотивации: непосредственно существительные мотивируются глаголами (*ребячиться* → *ребячество*, *школьничать* → *школьничество*), а опосредованно – существительными, что находит отражение в толковании лексического значения.

Существительное **проходимец** обозначает в современном языке ‘мошенник, негодяй, прохвост’: «Как ты на это смотришь, не продать ли наш дом этому типу, он наверняка подлец и *проходимец*, какой-нибудь прораб или завхоз» (С. Соколов). До начала XX в. основным значением слова было ‘прохожий’, в БАС оно дается с пометой «устар. и обл.»: «Случайно зашедшие в деревню или вступившие в беседу прохожие, *проходимцы*, путешественники» (А. Грандильевский). Однако производные с суффиксом **-енец**, мотивированные прилагательными и страдательными причастиями, стали обозначать ‘лицо по характерному качеству или действию’, т.е. в их значении обязательно присутствует оценочность. Прямое значение существительного *проходимец* не соответствовало семантике типа, поэтому оно было вытеснено переносным ЛСВ.

Таким образом, архаизация первичного значения приводит не только к вытеснению переносного значения прямым, но и установлению новых мотивационных отношений между производным и производящим – метафорических. Степень образности метафорического значения обуславливает характер смысловой связи между

словами, которая в некоторых случаях достаточно прозрачна (*щекотать – щекотливый, змея – змеистый*), но иногда почти не ощущается (*греть – взгреть, садить – всадить*). Слабая связь между производным и производящим приводит к семантическому опрошению, и только четко осознаваемая расчлененность структуры производного позволяет сохранять в языковом сознании его структурно-смысловую связь с производящим.

Примечания

- 1 См.: *Лопатин В.В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 53–57.
- 2 См.: *Козинец С.Б.* Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2. С. 61–70.
- 3 См.: *Ермакова О.П., Земская Е.А.* К уточнению отношений словообразовательной производности // Russian Linguistik. 1991. Вып. 15. С. 105–116; *Улханов И.С.* О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопр. языкознания. 1992. № 5. С. 74–89; *Ширшов И.А.* Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 41–54.
- 4 Подр. см.: *Козинец С.Б.* Диахронический подход к изучению словообразовательной метафоры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2007. Вып. 9. С. 243–245.
- 5 Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1964.
- 6 Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984–2003. Вып. 1–20.
- 7 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002. Вып. 1–26.
- 8 Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 2001.
- 9 Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
- 10 Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.

- 11 *Азарх Ю.С.* Об актуальной и исторической производности слова // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985. С. 152.
- 12 *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. С. 901.
- 13 *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 84.
- 14 См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2006; Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2006.
- 15 См.: *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 158.
- 16 Там же. С. 161.
- 17 Характерно, что слово *двуличный* не употреблялось в прямом значении – ‘имеющий два лица’. «Словарь Академии Российской» фиксирует следующее значение: ‘говорится о тканях, по причине тона иноцветного в рассуждении основы производящих два цвета» лицемерный, неискренний’. В Словаре В.И. Даля фиксируется это же значение – ‘о ткани: с переливом, отливом, с игрой’ и значение ‘лицемерный, двоедушный, скрытный’.
- 18 Некоторые современные словари отмечают также прямое значение ‘с двумя лицами’ (МАС), однако в них не приведены не только примеры из художественной литературы или публицистики, но и не составлены речения, что позволяет сделать вывод об искусственности подобного толкования в настоящее время. Словарь Ожегова–Шведовой отражает, на наш взгляд, более реальное функционирование слова, указывая, правда, только значение ‘то же, что двуличный’.
- 19 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. М., 1958.
- 20 Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2004. Т. 1–7.
- 21 Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 228.
- 22 Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. / Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М., 1964. С. 447.
- 23 Русская грамматика. С. 178, 198.
- 24 Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. С. 119.

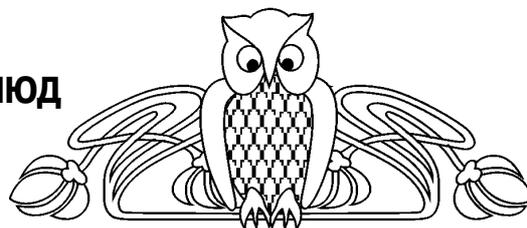
УДК 808.2–085.5 (082)

НОМИНАЦИИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И БЛЮД В РАЗНЫХ СЕМЬЯХ

А.Н. Байкулова

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: Philology@sgu.ru

Исследование семейных номинаций – составная часть разноаспектного изучения семейного общения и речи. В статье в антропоцентрическом ракурсе исследуются номинации продуктов питания и блюд, выявляются общие и специфические черты лексикона разных семей.

Ключевые слова: разговорная речь, семейный лексикон, «пищевые» номинации, продукты питания, заимствования.

Nomination of Food and Dishes in Different Families

A. N. Baikulova

Study of family nominations is part of multi-aspect study of intercourse within family and family speech. The article uses anthropocentric approach to the study of names of food and cooked